9 85/22

Д 85.
Д 22.
801-92
6810-8

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА

ДУХОВНО-УЧИЛИЩНОЙ РЕФОРМЫ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ собраніи казанской академіи по случаю празднованія столѣтней годовщины рожденія императора Александра I 12 декабря 1877 года

профессоромъ П. Знаменскимъ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета
1878.

Въ Казани, въ редакціи Православнаго Собесѣдника, при духовной академіи продаются слѣдующія книги:

А. **Православный Собесѣдникъ** *въ полномъ составѣ* книжекъ (т. е съ приложеніями): за 1855 г. (4 книги въ году) 3 руб. за годъ, за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 4 руб. за годъ. за 1868 г. (12 книгъ въ году) 6 руб., за 1871, 1872, 1873, 1874, 1875 и 1876 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 7 руб. сер. Полныхъ экземпляровъ за 1856, 1857, 1867, 1869 и 1870 гг. въ продажѣ нѣтъ. Можно получать и отдѣльныя книжки Собесѣдника за 1855. 1856 и 1857 гг. по 75 коп., а за остальные годы по 60 коп. за книжку,

Б. *Отдѣльно* отъ приложеній одинъ **Православный Собесѣдникъ**: за 1855 г. одинъ томъ, цѣна 75 к.; за 1856 г. одинъ томъ, цѣна 75 коп.; за 1857 г. одинъ томъ, цѣна 1 рубль; за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1868, 1869, 1870, 1871 и 1872 годы, по три тома въ каждомъ, по 2 руб. сер. за годъ

В. *Отдѣльно* отъ **Православнаго Собесѣдника** приложенія къ нему:

1. **Посланія св. Игнатія богоносца** (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ) Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

2. **Дѣянія вселенскихъ соборовъ** въ переводѣ на русскій языкъ. Семь томовъ. 1859—1875. Цѣна за первый томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50 коп., за третій 3 руб. 50 коп., за пятый 3 руб., за шестой 3 р. 50 к., за седьмой и послѣдній 4 р. 50 к. За шесть томовъ 21 руб.

3. **Благовѣстникъ**, или толкованіе блаженнаго Ѳеофилакта, архіепископа болгарскаго, на св. евангелія. 1874—1875 гг. Томъ 1-й на еванг. отъ Матѳея. Цѣна 1 руб. 75 коп. Томъ 2-й на евангеліе отъ Марка. Цѣна 1 р. 25 коп. Томъ третій—на евангеліе отъ Луки. Цѣна 2 руб.—Томъ четвертый—на евангеліе отъ Іоанна. Цѣна 2 р. 50 к. За всѣ четыре тома цѣна 7 руб 50 к.

4. **Его же** толкованіе на соборныя посланія святыхъ апостоловъ. Одинъ томъ. 1865. Цѣна 1 руб.

5. **Его же** толкованіе на посланіе къ Римлянамъ. Одинъ томъ. 1866. Цѣна 1 руб. 25 коп.

6. **Его же** толкованіе на Дѣянія св. апостоловъ. Одинъ томъ. 1872. Цѣна 1 р. 50 к.

7. **Святаго отца нашего Григорія Двоеслова** Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1858. Цѣна 1 руб.

8. **Сказанія о мученикахъ** христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою Церковію (съ предисловіемъ). Томъ 1-й. 1865. Цѣна 1 руб. 75 коп.

9. **Посланія Игнатія**, митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

10. **Сочиненіе преподобнаго Максима грека** (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максима) 2 руб. 50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 руб. За всѣ три тома 5 руб.

11. **Стоглавъ** (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 руб.

12. **Сочиненіе инока Зиновія:** Истины показаніе къ вопрошавшимъ о новомъ ученіи (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1864. Цѣна 2 руб. 50 к.

13. **Остенъ.** Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка (съ предисловіемъ и съ портретомъ патріарха всероссійскаго Іоакима). Одинъ томъ. 1865. Цѣна 75 коп.

14. **Сборникъ** древностей казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ, архимандрита Платона Любарскаго. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 1 руб. 25 коп.

15. **Житіе** преподобнаго отца нашего Трифона, вятскаго чудотворца. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 к.

16. **Житіе** преосвященнаго Иларіона, митрополита суздальскаго, бывшаго Флорищевой пустыни перваго строителя. Памятникъ начала XVIII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 коп.

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА

ДУХОВНО-УЧИЛИЩНОЙ РЕФОРМЫ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ собраніи казанской академіи по случаю празднованія столѣтней годовщины рожденія императора Александра I 12 декабря 1877 года

профессоромъ П. Знаменскимъ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета
1878.

ДУХОВНО-УЧИЛИЩНЫЯ РЕФОРМЫ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Отдѣльный оттискъ изъ „Православнаго Собесѣдника“ 1878 г.

КАЗАНЬ.
Типографія Университета
1878.

2007059419

Высокопочтенное собраніе!

Призванный по случаю настоящаго торжества столѣтней годовщины дня рожденія императора Александра Благословеннаго помянуть добрымъ словомъ его незабвенное царствованіе, я не нахожу при этомъ предмета болѣе приличнаго и близкаго къ мѣсту моего слова, какъ напомнить Вашему вниманію высокія заслуги этого, обильнаго высокими заслугами, царствованія для духовнаго просвѣщенія.

Въ исторіи духовно-учебныхъ заведеній время царствованія императора Александра было важнѣйшей эпохой, равной по значенію развѣ еще той, какую они переживаютъ въ настоящее царствованіе другаго Императора Александра, тоже благословеннаго для всѣхъ настоящихъ и грядущихъ русскихъ родовъ. Чтобы выяснить, насколько теперь возможно, значеніе этой эпохи, позвольте мнѣ обратиться нѣсколько назадъ, къ прежнему состоянію нашихъ духовныхъ школъ до царствованія императора Александра. Любопытно, что всѣ важнѣйшія эпохи въ исторіи ихъ идутъ почти чрезъ равные промежутки

времени, раздѣляясь одна отъ другой періодами величиной около полустолѣтія: первый отъ 1720-хъ гг. до 1760-хъ, времени Екатерининскихъ штатовъ, второй до 1810-хъ годовъ, а третій до послѣднихъ реформъ 60-хъ гг. текущаго столѣтія, времени составленія новыхъ духовно-училищныхъ уставовъ и штатовъ.

Раннее дѣтство нашей духовной школы было очень печальное; все оно прошло въ крайней нищетѣ и безпомощности. Она явилась на свѣтъ, вызванная реформой Петра великаго, въ то время, когда объ образованіи господствовали у насъ еще самыя первичныя, грубыя, исключительно-утилитарныя понятія, не какъ о всестороннемъ развитіи умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣка, а какъ объ одной лишь выучкѣ чему нибудь опредѣленному, годному въ узко-практическомъ отношеніи. Государство, державшее тогда въ своихъ рукахъ всю инициативу образованія, само стояло еще на подобной же первичной ступени своего развитія, на которой государства обыкновенно ставятъ себя началомъ и концомъ всей человѣческой жизни, думаютъ, что не они должны служить для блага и развитія человѣческихъ личностей, а напротивъ каждая личность должна всѣмъ своимъ существомъ уничтожаться въ службѣ государству, что вчастности, въ дѣлѣ попеченій объ образованіи, съ ихъ стороны будетъ сдѣлано все, когда каждый гражданинъ будетъ приготовленъ къ какому нибудь полезному ремеслу или какой нибудь полезной для государства службѣ. Во все время Петра и послѣ него до половины XVIII столѣтія одну за другой заводили школы военныя, артиллерійскія, навигаторскія, цифирныя, подъячихъ дѣтей и т. д., и не завели ни одного общеобразовательнаго заведенія. Уже во второй половинѣ XVIII вѣка догадались, что такое спеціальное образованіе одно недостаточно, заговорили о воспитаніи, о людскости, о созданіи новой породы людей, и стали открывать общеобразовательныя шко-

лы, гдѣ бы человѣкъ могъ получать общее развитіе, послѣ котораго могъ бы уже свободно избирать себѣ извѣстный родъ спеціальной выучки и служенія. До этого времени подобнаго выбора не было. Государство, заботясь о томъ, чтобы всѣ граждане непремѣнно были разсортированы по извѣстнымъ классамъ и чтобы ни въ какомъ случаѣ не было людей избылыхъ, никуда и ни къ чему неприписанныхъ, людей вольныхъ, само распредѣляло ихъ по сословіямъ, занятіямъ и службамъ и для этой цѣли пользовалось самымъ первичнымъ и простѣйшимъ средствомъ, требуя, чтобы сынъ принималъ на себя служеніе своего отца. Такъ сформировались наслѣдственныя сословія и роды жизни. По этимъ сословіямъ и родамъ жизни распредѣлены были и всѣ школы, въ томъ числѣ и духовныя.

Понятно, что государство не имѣло при этомъ никакихъ особенныхъ побужденій создать для управленія такими спеціальными школами что нибудь въ родѣ особаго и общаго для нихъ министерства просвѣщенія. Каждый разрядъ школъ естественно подчинялся и дѣйствительно былъ подчиненъ исключительно своему спеціальному вѣдомству, которое и обязано было заботиться, чтобы подвѣдомая ему служба исправлялась, какъ можно, лучше и чтобы его школы выпускали, какъ можно, удовлетворительнѣе подготовленныхъ къ ней кандидатовъ. Вчастности духовныя школы, назначенныя именно для такой служебно-спеціальной цѣли—воспитывать духовныхъ дѣтей „въ надежду священства“, подчинены были исключительно духовному вѣдомству, и государство, возложивъ на это вѣдомство обязанность заводить ихъ въ возможно большемъ количествѣ и въ возможно выгоднѣйшемъ для духовной службы видѣ, затѣмъ отложило объ нихъ всякія дальнѣйшія попеченія. Въ свою очередь органъ высшей духовной администраціи—св. Синодъ, имѣя по своему положенію только одно высшее надсмотрѣніе надъ практикой церковной службы и не

занимаясь мелкими дѣлами непосредственнаго участія въ замѣщеніи церковно-служебныхъ вакансій при церквахъ, передалъ отъ себя управленіе духовными школами властямъ епархіальнымъ, которыя имѣли уже непосредственное отношеніе къ этимъ разсадникамъ кандидатовъ священства, вслѣдствіе чего духовная школа становилась въ собственномъ смыслѣ школою архіерейскою, а не школою церковною вообще. Все участіе въ ней высшей духовной администраціи послѣ этого ограничилось только тѣмъ, что она побуждала мѣстнаго архіерея устроять эту школу и заботиться объ ней такъ, какъ онъ самъ зналъ и считалъ лучше для блага церковной службы. Года четыре послѣ открытія св. Синода при немъ существовала особая должность протектора школъ, къ которому впрочемъ школы не имѣли никакого непосредственнаго отношенія и который по ихъ дѣламъ имѣлъ сношенія только съ самими архіереями; потомъ и эта должность была упразднена, и духовная школа окончательно стала учрежденіемъ чисто мѣстнымъ, къ центральной администраціи не относящимся.

Вся судьба духовной школы поэтому всецѣло была въ рукахъ архіерея. Онъ назначалъ ей курсъ, опредѣлялъ ея направленіе, одинъ давалъ ей и матеріальныя средства. Въ такомъ положеніи школьное дѣло существовало во всю первую половину XVIII в. И надобно отдать должную честь нашимъ тогдашнимъ архипастырямъ, — это было время ихъ высокихъ просвѣтительныхъ заслугъ. Каждый епархіальный архіерей, какъ кокошъ, собиралъ многочисленныхъ духовныхъ птенцовъ своей епархіи подъ свои крылья, возращалъ и воспитывалъ ихъ, насколько у него лишь доставало для этого одиночныхъ средствъ его каѳедры, средствъ, большею частію далеко несоотвѣтствовавшихъ полнотѣ его ревности во благо церкви. Но понятно, что при такой всецѣлой зависимости духовнаго образованія отъ чисто мѣстныхъ матеріальныхъ средствъ и отъ благоусмотрѣнія мѣстныхъ, частныхъ

начальствъ, каковы бы они ни были по своей благонамѣренности, оно не могло имѣть ни достаточнаго и равномѣрнаго матеріальнаго обезпеченія, ни надлежащей многосторонности и общей системы въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи. Достаточно сказать, что со школою архіерейскою во все это время съ успѣхомъ могло конкуррировать даже старинное образованіе духовенства у разныхъ мастеровъ грамотности. Большинство приходскаго духовенства состояло изъ людей, получившихъ именно такую только подготовку къ своему служенію, и не видѣло съ своей стороны даже никакой особенной надобности везти своихъ дѣтей въ семинарію, когда можно ихъ приготовить къ церковному мѣсту у себя дома, безъ особенныхъ хлопотъ и издержекъ.

Съ воспшествія на престолъ Екатерины II настало новое время для русскаго образованія. Старый утилитарный взглядъ на него сгладился; поднялось общее гуманное образованіе и стало распространяться новыми общеобразовательными школами. Духовное вѣдомство сохранило свои сословныя школы въ прежнемъ видѣ, но современное движеніе все таки прошло небезслѣдно и для духовнаго образованія. Въ 60-хъ годахъ, при введеніи духовныхъ штатовъ, на духовно-учебныя заведенія положены были постоянные оклады, съ которыми они менѣе стали подвергаться прежнимъ случайностямъ въ своемъ существованіи и пришли къ большему единообразію по своему внѣшнему быту. Въ тоже время въ 1766 г. составленъ былъ обширный проектъ всесторонняго преобразованія духовныхъ школъ, въ которомъ предполагалось раздѣлить ихъ на высшія для приготовленія духовныхъ ученыхъ, среднія для приготовленія кандидатовъ на церковныя должности и нисшія школы грамотности для духовныхъ дѣтей и народа, ввести въ нихъ стройные курсы и новые пріемы какъ обученія, такъ и воспитанія. Проэктъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе въ цѣломъ видѣ, но нѣкото-

рыя частности его напли приложеніе въ школьной жизни. Частію вслѣдствіе вліянія новаго духа времени, частію вслѣдствіе того, что въ царствованіе Екатерины въ церковной жизни на первомъ планѣ явились новыя силы, дѣятели изъ великоруссовъ, прежде затертые преобладаніемъ во всемъ церковно-іерархическомъ мірѣ малороссовъ, воспитанниковъ кіевской академіи, въ духовномъ образованіи повѣяло свѣжею жизнью. Поколеблено было господство схоластики и латыни кіевской школы, заимствованныхъ послѣдней изъ католическихъ коллегій и чуждыхъ православной церкви. Усилено преподаваніе греческаго языка, въ чемъ высказана была необходимость воротиться къ прежнему, наиболѣе популярному въ Россіи и родственному для прав. церкви, еллино-славянскому направленію духовнаго образованія. Явились богословскіе труды св. Тихона и м. Платона, первые труды чуждые препретельныхъ словесъ чуждой мудрости, которой досель работала православная духовная школа. Въ первый разъ богословская истина не въ одномъ храмѣ, но отчасти и въ школѣ заговорила не на латинскомъ языкѣ, а на родномъ русскомъ. По мѣрѣ паденія схоластики и латыни усиливалось изученіе фактическихъ наукъ, исторіи, и новыхъ языковъ, чрезъ которые дух. школа получила возможность входить въ общеніе не съ одною отжившею мудростью народовъ древнихъ, но и съ мудростью народовъ новыхъ и чрезъ то подниматься понемногу на современный уровень образованія. Въ педагогическихъ пріемахъ стала распространяться большая мягкость и человѣчность, грубая дисциплина прежняго времени стала понемногу замѣняться авторитетомъ педагоговъ и самой моральной идеи.

Но всѣ эти явленія были плодами духа времени и дѣломъ опять таки частныхъ только личностей, болѣе чуткихъ къ новымъ требованіямъ вѣка, а не результатомъ твердо выработанной учебной системы. Въ качествѣ главныхъ проводниковъ новаго направ-

ленія опять-таки видимъ личности нашихъ іерарховъ, прежде всего м. Платона, потомъ преимущественно іерарховъ—его питомцевъ, которые разнесли его направленіе, духъ Платона, во всѣ концы Россіи, такъ что онъ сталъ духомъ самой обновленной русской церкви. Духовная школа поэтому и во второй половинѣ XVIII в. не переставала быть школою архіерейскою. Самое обезпеченіе ея штатами произведено было далеко не въ такихъ размѣрахъ, чтобы она могла существовать въ матеріальномъ отношеніи самостоятельно. На всѣ 28 духовныхъ школъ съ 6,000 учениковъ ассигновано было всего 38,000 р. съ небольшимъ, а черезъ 20 лѣтъ, когда учениковъ стало 12,000, всего 77½ тысячъ въ годъ, такъ что средній окладъ цѣлой семинаріи, болѣе чѣмъ съ 200 учениковъ, держался на 1500—2000, тогда какъ въ свѣтскомъ вѣдомствѣ на одно главное народное училище выдавалось ежегодно 14000 р. Самый высшій окладъ въ семинаріяхъ (ректорскій) простирался до 300 р., учительскій до 150, а низшій доходилъ до 30 и 20 р. въ годъ. На студента академіи высшаго курса ассигновалось въ годъ 15 р., а на учениковъ низшихъ классовъ по 8 рублей. При такихъ окладахъ духовная школа по прежнему должна была оставаться для нашихъ архипастырей предметомъ тяжкихъ заботъ и пожертвованій. Нужно при этомъ имѣть въ виду, что въ 1764 г. имущества архіерейскихъ домовъ были отобраны въ казну съ вознагражденіемъ архіереевъ такими штатными окладами, на которые они едва могли только поддерживать свои дома и свое административное положеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ запрещены были всякіе, въ томъ числѣ и школьные, сборы съ духовенства въ видахъ освобожденія послѣдняго отъ прежняго тяглаго отношенія къ архіерейскому дому. Для нихъ осталось почти единственное средство къ обезпеченію нищенствовавшихъ учениковъ,—это предоставленіе имъ вакантныхъ церковныхъ мѣстъ, при чемъ мѣста эти оставались не-

замѣщенными или замѣщались викаріями, а доходы, за вознагражденіемъ викарія, шли въ пользу учениковъ, иначе сказать—пришлось поддерживать духовныя школы на счетъ и къ явному ущербу церковной службы. Въ описываемое время эта крайняя мѣра къ обезпеченію дух. училищъ достигла до высшей степени развитія, такъ что при рѣдкой церкви не было какой нибудь вакансіи, незамѣщавшейся въ пользу какого нибудь школьника многіе годы его ученія.

Императоръ Павелъ I удвоилъ штатные оклады на училища и возвысилъ ихъ до 180,000 р., но это мало увеличило ихъ благосостояніе, потому что въ это время и содержаніе ихъ стало болѣе, чѣмъ вдвое дороже. Важнѣе была другая его попытка къ усовершенствованію дух. училищъ, попытка дать духовному образованію лучшую организацію посредствомъ распредѣленія духовныхъ училищъ на высшія и низшія и подчиненія семинарій ученому надзору академій, двухъ прежнихъ и двухъ вновь основанныхъ—петербургской и казанской. Но и эта попытка осталась незаконченной по кратковременности его царствованія. Академіи были основаны, но не получили значенія высшихъ школъ, а остались съ прежними смѣшанными курсами, обнимавшими не только высшее и среднее, но и низшее элементарное обученіе.

Въ такомъ положеніи застало духовныя школы царствованіе Александра, съ котораго началась ихъ новая жизнь, и который, какъ выражался въ 1814 г. въ рѣчи при открытіи петербургской академической конференціи ректоръ академіи архим. Филаретъ (послѣ московскій митрополитъ), „давъ новый блескъ и силу просвѣщенію гражданскому, отеческимъ сердцемъ обратился и къ смиреннымъ обителямъ духовнаго просвѣщенія, въ которыхъ люди, пожертвовавшіе небесной мудрости блескомъ земнаго счастія и выгодами общежитія, посѣяли первыя сѣмена полезныхъ знаній не токмо для церкви, но и для отечества и въ которыхъ юношество, по состоянію родителей скудное въ

средствахъ къ своему образованію, болѣе терпѣніемъ и неутомимостію, нежели обиліемъ пособій, приготовлялось къ служенію церкви, въ самыхъ обыкновенныхъ степеняхъ важному".

Мысль объ улучшеніи духовныхъ училищъ занимала импер. Александра съ первыхъ годовъ его царствованія. Еще въ 1801 г. поручено было составить проектъ объ ихъ преобразованіи могилевскому архіепископу Анастасію Братановскому. Другой проектъ составленъ былъ, тоже по порученію правительства, въ 1807 г. петербургскимъ викаріемъ Евгеніемъ Болховитиновымъ и имѣлъ большое вліяніе на послѣдующія преобразованія дух. школъ. Наконецъ въ ноябрѣ 1807 г. Высочайше учрежденъ особый комитетъ, который долженъ былъ начертать правила всесторонней реформы духовныхъ училищъ и кромѣ того заняться изысканіемъ способовъ къ ихъ обезпеченію и улучшенію быта всего вообще бѣлаго духовенства имперіи. Личный составъ этого комитета образованъ былъ изъ лицъ извѣстныхъ какъ по своимъ талантамъ, такъ и по добросовѣстной энергіи, какихъ мало встрѣчаемъ даже въ самыя крупныя эпохи исторіи. Это были: м. Амвросій Подобѣдовъ, калужскій епископъ Θеофилактъ, оберъ-священникъ Іоаннъ Державинъ, духовникъ государя и протопресвитеръ Сергій Краснопѣвковъ, оберъ-прокуроръ св. Синода кн. Александръ Голицынъ и статсъ-секретарь Михаилъ Сперанскій. Все это были усерднѣйшіе дѣльцы стараго времени и закала, которые дѣлали дѣло съ полнымъ самоотверженіемъ и по мѣрѣ всѣхъ своихъ силъ; особенно выдавался между ними Сперанскій—незабвенный для духовенства государственный мужъ, урожденецъ дух. званія, самъ прошедшій всю тяжелую школу духовныхъ молодыхъ людей и, что весьма рѣдко бываетъ, незабывшій своихъ бѣдствующихъ братьевъ на самомъ верху государственныхъ почестей, которыми взыскалъ его государь.

Проникнутый всей важностью своей задачи, отъ разрѣшенія которой зависѣла судьба цѣлаго духовнаго сословія, комитетъ на четвертый же день (3 декабря) по учрежденіи приступилъ къ своимъ разсужденіямъ и послѣ настойчиваго труда, стоившаго весьма сильнаго напряженія мысли, въ іюнѣ 1808 года представилъ на утвержденіе государя уже вполнѣ законченный докладъ объ исполненіи его порученія. т. е. всего черезъ полгода, показавъ рѣдкій примѣръ быстроты въ такого рода трудной и многосложной работѣ. Какъ ни скоро сказка сказывается сравнительно съ тѣмъ, какъ дѣло дѣлается, я все-таки истинно затрудняюсь въ краткій срокъ времени, данный для моего слова, съ достаточной ясностью раскрыть передъ Вами, мм. гг., то, что было сдѣлано въ эти полгода, хотя я долженъ охарактеризовать лишь половину всей работы комитета, ограничиваясь лишь вопросомъ о дух. школахъ и не касаясь того, что онъ сдѣлалъ для улучшенія быта духовенства.—Самый докладъ, тогда же утвержденный государемъ, представилъ собою такое новое и свѣжее по направленію, такое стройное, изумительное по широтѣ и единству основнаго взгляда и по силѣ его логическаго развитія въ частностяхъ, изложеніе предначертаній касательно постановки духовныхъ школъ, ихъ администраціи, содержанія и курсовъ, что подобная работа только и могла выйти изъ комитета, гдѣ работалъ Сперанскій. Изложеніе доклада дѣйствительно, какъ говорятъ (преосв. Филаретъ въ исторіи), все принадлежало его искусному и многотрудному перу. Въ практическомъ приложеніи начала комитетскаго доклада съ теченіемъ времени подверглись значительнымъ измѣненіямъ, особенно въ пропедшее царствованіе, во время завѣдыванія училищами духовно-учебнаго управленія при св. Синодѣ, но я не впаду въ преувеличеніе, если скажу, что большая часть этихъ измѣненій были не исправленіемъ положеній 1808 года, а напротивъ ихъ искаженіемъ, и ясно показывали, что

послѣдующіе дѣятели въ дѣлѣ усовершенствованія дух. образованія, по свѣжести, широтѣ и глубинѣ своихъ взглядовъ на дѣло, стояли гораздо ниже дѣятелей 1808 года. Въ качествѣ соизмѣримыхъ величинъ положенія 1808 г. можно сравнивать только съ положеніями духовно-учебной реформы, совершенной въ наши дни.

Разсмотрѣвъ сначала исторически главныя стороны прежней жизни духовныхъ школъ и заслуги этихъ школъ для государства и общества и найдя какъ прежнее, такъ и современное состояніе ихъ неудовлетворительнымъ, комитетъ прежде всего постарался выработать общія правила, которыя бы можно было положить въ основаніе всего дѣла объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ. Правила эти были слѣдующія:

1) Назначеніе духовныхъ училищъ состоитъ въ приготовленіи духовнаго юношества къ духовному служенію, съ этимъ назначеніемъ должны сообразоваться и порядокъ ихъ курсовъ и образъ воспитанія учащагося въ нихъ юношества;

2) По особенности такого назначенія они должны имѣть и особое управленіе, независимое отъ управленія училищъ гражданскихъ;

3) Управленіе это, исходя изъ одного средоточія, коммиссіи духовныхъ училищъ при св. Синодѣ, чрезъ окружныя академіи, должно для соблюденія единства и связи обнимать всѣ роды духовныхъ училищъ;

4) Училища эти должны быть раздѣлены на степени (по требованію нуждъ и состоянія духовенства):— академіи должны сообщать высшее духовное образованіе и управлять учебными округами; семинаріи, съ среднимъ курсомъ, назначаются для приготовленія воспитанниковъ въ академіи и на поприще церковнаго служенія; училища уѣздныя, разбросанныя по уѣздамъ, дадутъ родителямъ возможность удобнѣе и дешевле сообщать своимъ дѣтямъ низшее образованіе, по ихъ возрасту и назначенію; училища приходскія

распространять единообразное и методическое ученіе въ самыя села и деревни и соединять духовныхъ дѣтей подъ общій и единообразный надзоръ.

Сообразно съ этимъ послѣднимъ правиломъ всѣ епархіи предположено раздѣлить на четыре учебные округа и во главѣ каждаго поставить академію; въ каждой епархіи должна быть своя семинарія; одинъ или нѣсколько уѣздовъ должны имѣть одно уѣздное училище, — всѣхъ ихъ положено по бо́льшему счету 10 на епархію или 360 на всю Россію, уѣздъ дѣлится на приходскіе округи, каждый въ нѣсколько приходовъ подъ вѣдѣніемъ одного благочиннаго, съ элементарными приходскими училищами, которыхъ положено maximum по 30 на епархію или 1080 на всю Россію. Цифры эти не были потомъ выдержаны на дѣлѣ; училищъ открыто несравненно меньше, и только въ одномъ петербургскомъ округѣ число ихъ дѣйствительно подходило къ цифрѣ, проектированной комитетомъ. По всей этой лѣствицѣ учебныхъ заведеній высшія должны имѣть надзоръ надъ низшими, для чего при академіяхъ, назначенныхъ управлять учебною частію цѣлыхъ округовъ, учреждаются внѣшнія окружныя правленія и конференціи изъ ученыхъ людей, какъ принадлежащихъ къ академическому составу, такъ и постороннихъ.

Не довольствуясь этими общими положеніями, комитетъ почелъ за нужное сдѣлать подробныя указанія и касательно примѣненія ихъ къ практикѣ, изложивъ въ своемъ докладѣ всѣ основные пункты духовно-училищныхъ уставовъ; наконецъ въ томъ же докладѣ проектировалъ подробные училищные штаты съ обозначеніемъ окладовъ на всѣ училищныя потребности и на жалованье служащихъ по учебной части лицъ, для чего самъ же изобрѣлъ и нужныя къ тому средства въ проектированномъ имъ капиталѣ, назначавшемся къ обезпеченію духовныхъ училищъ и всего вообще бѣлаго духовенства.

Начертаніе самыхъ уставовъ и приведеніе всѣхъ вообще комитетскихъ предначертаній въ исполненіе предоставлено было постоянной коммиссіи духовныхъ училищъ, которая открыта была при Синодѣ въ одно время съ утвержденіемъ комитетскаго доклада и съ закрытіемъ самаго комитета (26 іюня 1808 года). Членами ея назначены были тѣ же самыя лица, которыя засѣдали въ комитетѣ, и съ тою же ревностію принялись за новую работу, для нихъ впрочемъ уже составлявшую продолженіе прежней. Къ началу 1809 года Сперанскій написалъ общее введеніе къ уставамъ, въ которомъ изложилъ общія начала духовнаго образованія, и первую часть устава академіи, содержавшую правила касательно ея внутренняго управленія и состава ея учебнаго курса. Отъ дальнѣйшаго продолженія этого труда онъ отказался, будучи обремененъ многочисленными государственными занятіями. Остальныя части академическаго устава и устава семинарій и училищъ, согласно съ предначертаніями Сперанскаго, составилъ послѣ него преосв. Θеофилактъ. Утвержденіе ихъ государемъ послѣдовало уже въ 1814 г., хотя впрочемъ по петербургскому округу дѣйствіе ихъ, въ видѣ опыта, началось еще раньше, съ самаго появленія ихъ въ 1809 году.

Такъ какъ всѣ эти уставы и лежавшія въ основѣ ихъ положенія комитетскаго доклада еще недавно дѣйствовали во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, то я считаю излишнимъ пересказывать теперь ихъ содержаніе и предложу Вашему вниманію только общую ихъ характеристику, чтобы очертить такимъ образомъ главныя стороны произведенной ими духовно-учебной реформы.

Я нѣсколько отступлю отъ порядка частей комитетскаго доклада и начну съ произведеннаго имъ новаго устройства духовно-учебнаго управленія, такъ какъ въ развитіи этой части, по моему мнѣнію, всего болѣе выразилась основная мысль комитета относительно общей постановки духовнаго образованія.

Не смотря на то, что о важности духовнаго образованія толковалось весьма много еще со временъ Петра великаго и всѣ лучшіе представители церковной власти попеченіе о дух. школахъ считали самымъ священнымъ для себя долгомъ и полезнѣйшимъ для церкви дѣломъ, комитетъ первый поднялъ это образованіе изъ его низменнаго, исключительно епархіальнаго положенія и поставилъ его на надлежащую высоту въ качествѣ одной изъ первостепенныхъ отраслей церковной жизни, подлежащихъ управленію не однихъ только мѣстныхъ церковныхъ властей, но и общей, центральной власти церкви. До сихъ поръ при св. Синодѣ въ особомъ видѣ, въ качествѣ особой отрасли центральной администраціи, существовало одно хозяйственное отдѣленіе, носившее въ разныя времена разныя названія. Раннее появленіе его было очень естественно, потому что централизація управленія, выражающая въ администраціи сознаніе общаго характера извѣстной стороны жизни, подлежащей ея надзору, всегда и вездѣ начиналась съ внѣшности, съ матеріальныхъ средствъ жизни; церковныя имущества къ тому же были давно уже затронуты государственнымъ вопросомъ объ ихъ секуляризаціи, при чемъ еще въ древней Руси обнаружилось, что они не имѣли каноническаго значенія имуществъ церковныхъ, принадлежали Спасу, Пречистой и т. д., т. е. разнымъ частнымъ церковнымъ учрежденіямъ, церквамъ, монастырямъ, архіерейскимъ домамъ, и управлялись не церковною властью, а одними только предстоятелями именно этихъ церковныхъ учрежденій, какъ имущества ихъ частныя. Экономическое отдѣленіе св. Синода, можно сказать, въ первый разъ придало имъ каноническій церковный характеръ, хотя уже это было тогда и поздно,—церковь не поспѣла за развитіемъ секуляризаціонныхъ идей. Духовное образованіе, не затрогиваемое особенно никакими вопросами подобнаго рода, спокойно продолжало оставаться въ одномъ епархіальномъ вѣдомствѣ, изъ круга котораго не вы-

ходили даже академіи—заведенія, имѣвшія уже вовсе не епархіальное значеніе по самому району своей просвѣтительной практики. — Коммиссія духовныхъ училищъ, принявъ ихъ въ свое постоянное завѣдываніе, сдѣлалась такимъ образомъ первымъ центральнымъ учрежденіемъ, придавшимъ духовному образованію обще-церковную постановку. Съ этого лишь времени можно стало произвести правильное раздѣленіе духовно-учебныхъ заведеній по степенямъ, особенно же придать характеръ высшихъ окружныхъ заведеній академіямъ, чего не могла сдѣлать одна власть епархіальная и что до того дѣлалось единственно путемъ практическимъ; съ этого же времени можно стало ввести во всѣ дух. школы общіе и единообразные уставы, которые бы поставили ихъ учебную и воспитательную части независимо отъ вліянія случайныхъ вкусовъ со стороны частныхъ властей, утвердивъ ихъ на болѣе твердой основѣ общей системы, исходящей изъ соображеній высшей власти; съ того же времени стало яснѣе сознаваться и обще-государственное значеніе дух. образованія, побудившее правительство озаботиться изобрѣтеніемъ особыхъ средствъ для его поддержанія и дарованіемъ ему особыхъ государственныхъ правъ.

Сознавая всю важность такой постановки дух. образованія, комитетъ съ видимой преднамѣренностію постарался выяснить ее во всѣхъ важнѣйшихъ подробностяхъ. Коммиссія, по его проекту, явилась при св. Синодѣ какимъ-то министерствомъ дух. просвѣщенія, состоящимъ впрочемъ не изъ одного министра и товарищей съ канцеляріею, а изъ цѣлаго ученаго общества во первыхъ высшихъ духовныхъ сановниковъ, далѣе оберъ-прокурора св. Синода и министра народнаго просвѣщенія, наконецъ государственнаго секретаря Сперанскаго. Послѣдній былъ впрочемъ членомъ случайнымъ; послѣ его несчастнаго паденія мѣсто его никѣмъ не было занято. Въ виду того, что по училищнымъ дѣламъ сами епархіальныя власти

должны были слѣдовать распоряженіямъ этого высшаго учебнаго управленія, такой вполнѣ компетентный составъ его имѣлъ особенное значеніе, ни въ чемъ не противорѣчившее и церковно-іерархическому порядку. Впослѣдствіи мысль комитета, лежавшая въ основѣ этого учрежденія, была затемнена: вмѣсто комиссіи дух. училищъ при св. Синодѣ учреждено духовно-учебное управленіе, имѣвшее уже чисто канцелярскій характеръ, вносившее въ учебную администрацію совершенно чуждый для нея чиновничій элементъ и поддерживавшее свою административную компетентность предъ епархіальными властями одними своими полномочіями отъ св. Синода и его оберъ-прокурора. Только въ недавнее время мысль комитета 1808 г. снова была возобновлена, хотя нѣсколько въ другой формѣ и съ разными ограниченіями, при учрежденіи вмѣсто духовно-учебнаго управленія при св. Синодѣ нынѣ дѣйствующаго духовно-учебнаго комитета, организованнаго тоже въ видѣ учено-административнаго общества.

Въ высшей инстанціи особность учебнаго управленія организовать было еще довольно легко; но въ дальнѣйшемъ проведеніи этой особности по всей лѣствицѣ дух. школъ комитету предстояли немаловажныя затрудненія. За прежній порядокъ епархіальнаго управленія школами стояла крѣпкая, столѣтняя привычка къ нему епархіальныхъ властей, опиравшаяся кромѣ того на каноническія права каждаго епископа надзирать за практикою церковнаго учительства во всемъ его предѣлѣ. Слѣдовало стянуть организацію школьнаго ученія къ общему церковно-административному центру только съ общецерковной же ея стороны, не нарушая правъ епископскихъ, и выработать въ такомъ направленіи рядъ положеній совершенно новыхъ, безъ всякихъ предварительныхъ и подготовительныхъ работъ подобнаго рода. Съ другой стороны, устроя административную градацію учебныхъ заведеній, подчиненіе низшихъ высшимъ, можно было подвергнуться опасности всецѣло ввѣ-

рить учебное управленіе самой же школѣ, что было бы такой же неудачной и вредной для дѣла попыткой учебной организаціи, какъ предоставленіе этого управленія чиновничей канцеляріи. Комитетъ довольно удачно избѣжалъ и того и другаго затрудненія и выработалъ такую стройную систему учебнаго управленія, которая могла бы съ честью явиться даже и не въ тогдашнее время, время лишь перваго только почина въ этомъ трудномъ дѣлѣ.

Первое затрудненіе было устранено тѣмъ, что комитетъ вполнѣ призналъ за архіереями всѣ права главныхъ попечителей находящихся въ ихъ епархіяхъ учебныхъ заведеній, и поставилъ послѣднія подъ собственное личное ихъ вѣдомство, устранивъ въ тоже время участіе въ училищныхъ дѣлахъ епархіальныхъ консисторій. чрезъ которыя архіереи въ прежнее время управляли этими дѣлами на ряду со всѣми другими дѣлами епархіальнаго вѣдомства. Въ уставахъ академій и семинарій это устраненіе отъ училищнаго управленія консисторій намѣренно выставлено крупной чертой, какъ пунктъ существенной важности. Въ тоже время внутренней администраціи академій и семинарій дана извѣстная степень собственной самостоятельности, право обсуждать предложенія мѣстныхъ архіереевъ и въ случаѣ своего несогласія съ ними переносить рѣшеніе дѣла изъ академій на рѣшеніе коммиссіи дух. училищъ, а изъ семинарій на рѣшеніе внѣшняго правленія окружныхъ академій. Такимъ образомъ всѣ нити училищной администраціи проведены были снизу до верху къ одному общему центральному узлу—коммиссіи дух. училищъ, не минуя власти мѣстныхъ архіереевъ, хотя и отдѣльно отъ системы спеціальной епархіальной администраціи, и составили самостоятельную систему управленія характера обще-церковнаго и кромѣ того ученаго, каковой и требовался по самому существу дѣла.

Второе затрудненіе, представлявшееся въ предоставленіи административныхъ правъ въ учебныхъ окру-

гахъ ,академіямъ, было устранено тѣмъ, что права эти предоставлены были, собственно говоря, не имъ, какъ школамъ, хотя бы и высшимъ, но все-таки по своему существенному назначенію чуждымъ административной дѣятельности и не обладавшимъ для нея достаточною компетентностію, а особымъ, учрежденнымъ при нихъ, ученымъ обществамъ,—академическимъ конференціямъ, изъ ученыхъ членовъ самой академіи и изъ постороннихъ ученыхъ особъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, находящихся въ мѣстѣ пребыванія каждой академіи, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго архіерея. Учрежденіе этой конференціи очевидно стоитъ въ ближайшемъ соотвѣтствіи съ учрежденіемъ самой коммиссіи дух. училищъ и служитъ выраженіемъ одного и того же административнаго начала, только перенесеннаго изъ центра учебнаго управленія въ управленіе окружное. Задачей конференціи поставлено пещись о распространеніи и поощреніи учености въ духовенствѣ, въ частности: цензура духовныхъ книгъ, выходящихъ въ предѣлахъ академическаго округа, производство ученыхъ людей въ ученыя академическія степени (въ степень доктора съ утвержденія коммисіи) и производство экзаменовъ въ академіи и въ окружныхъ семинаріяхъ, — для послѣднихъ положено ежегодно командировать по два члена конференціи въ округъ въ качествѣ семинарскихъ ревизоровъ. Ближайшее управленіе округомъ, неудобное для конференціи, выдѣлено изъ круга ея занятій и сосредоточено во внѣшнемъ академическомъ правленіи, которое организовано, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи, изъ двухъ членовъ отъ внутренняго академическаго правленія и двухъ членовъ отъ конференціи, назначенныхъ по административному порядку коммиссіей дух. училищъ.

Мы не можемъ впрочемъ сказать, чтобы введеніе этой новой организаціи училищнаго управленія, при всемъ стараніи ея составителей выставить ее по возможности въ безобидномъ видѣ для епархіальныхъ

архіереевъ, обошлось безъ неудовольствія со стороны послѣднихъ. Не говоримъ о тѣхъ жалобахъ, которыя основывались главнымъ образомъ на освященной временемъ и дѣйствительными заслугами нашихъ архипастырей въ пользу духовныхъ школъ привычкѣ ихъ считать эти школы своими и на естественномъ нежеланіи допускать въ управленіе ими новую власть, хотя бы даже и такую вполнѣ компетентную, какъ власть коммиссіи дух. училищъ: слышались и другаго рода жалобы болѣе справедливаго характера, которыя, не отрицая необходимости участія въ управленіи школами со стороны центральной духовной администраціи, считали все-таки унизительнымъ для архіереевъ, какъ главныхъ попечителей епархіальныхъ школъ, подчиняться въ школьныхъ дѣлахъ распоряженіямъ учебно-административныхъ учрежденій при окружныхъ академіяхъ. Полномочія академическаго правленія въ отношеніи къ семинаріямъ были слишкомъ велики, а участіе архіереевъ въ семинарскихъ дѣлахъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, когда была еще свѣжа память о прежнихъ порядкахъ, было слишкомъ близко и непосредственно, чтобы между этими двумя властями не возникали иногда очень непріятныя столкновенія. Кромѣ начальственнаго вліянія на всю учебную часть въ семинаріяхъ, права наблюдать за благонадежностію всѣхъ служащихъ по училищному вѣдомству въ округѣ, назначать и увольнять самихъ ректоровъ семинарій, внѣшнему правленію академіи предоставлено было нѣкоторое наблюденіе надъ самимъ даже епархіальнымъ управленіемъ, именно: „чтобы мѣста, какъ буквально значится въ комитетскомъ докладѣ (п. 120), въ каждой епархіи не иначе были раздаваемы, какъ по степенямъ, каждому разряду учениковъ (семинаріи) присвоеннымъ. На сей конецъ отдѣленіе сіе (т. е. внѣшнее правленіе) получаетъ отъ дух. консисторій сообщенія, а отъ училищъ донесенія ежемѣсячно, кто именно изъ учащихся и куда опредѣленъ; и если по симъ донесеніямъ усмотритъ, что мѣста раздаются не

по классамъ ученія: то сносится съ епархіальнымъ архіереемъ (въ уставахъ послѣ это смягчено словомъ: ходатайствуетъ) и представляетъ о семъ коммиссіи о духовныхъ училищахъ". Комитетъ и коммиссія пытались смягчить рѣзкость подобныхъ пунктовъ объ отношеніяхъ внѣшняго правленія академіи къ архіереямъ посредствомъ сообщенія этимъ отношеніямъ возможно деликатныхъ формъ: правленіе ходатайствуетъ, испрашиваетъ согласія и т. п., но сущность дѣла, разумѣется, отъ этого не измѣнялась, да кромѣ того деликатность подобнаго рода весьма трудно было водворить на практикѣ; извѣстно, какъ ведетъ себя маленькое, несовсѣмъ компетентное начальство передъ другимъ крупнымъ и давно уже вполнѣ компетентнымъ, когда въ его руки случайно попадаютъ какія нибудь полномочія въ отношеніи къ послѣднему. Постановка внѣшняго академическаго правленія очевидно осталась неразработанной ни въ докладѣ комитета, ни въ уставахъ и только мѣшала силѣ общихъ принциповъ училищной реформы. Въ 1840-хъ гг. послѣ того, какъ коммиссія дух. училищъ, пользовавшаяся общимъ уваженіемъ іерарховъ, замѣнена была канцеляріей подъ именемъ духовно-учебнаго управленія, полномочія окружнаго академическаго правленія, получавшія доселѣ отъ коммиссіи наибольшую долю своей компетентности, сдѣлались окончательно неудобными въ отношеніяхъ къ епархіальнымъ архіереямъ. Во время послѣднихъ преобразованій дух. училищъ правленіе это было наконецъ совершенно упразднено; преобразователи, какъ видно, и теперь не смогли дать ему надлежащей постановки и нашли болѣе удобнымъ разорвать всякія административныя связи между академіями и семинаріями и стянуть всѣ дѣла по училищному управленію къ одному общему центру, какъ бы для центральнаго правленія это ни было обременительно.

Устроять дальнѣйшую градацію училищнаго управленія для преобразователей 1808 г. было уже гораздо

легче, какъ потому, что полномочія семинарскихъ правленій въ отношеніи къ низшимъ школамъ были не велики, такъ и потому, что, не выходя изъ предѣловъ одной епархіи, они не сталкивались съ правами другихъ властей, кромѣ училищныхъ же. Еще мельче, разумѣется, были полномочія ректоровъ уѣзднаго училища въ отношеніи къ училищамъ приходскимъ.

Во внутреннемъ управленіи духовно-учебныхъ заведеній, какъ на замѣчательную по тогдашнему времени черту, можно указать на первые опыты примѣненія выборнаго начала. Комитетъ и коммиссія въ своихъ уставахъ вводили его, разумѣется, на первыхъ порахъ въ весьма умѣренномъ видѣ, но съ большимъ тактомъ. Въ болѣе полной мѣрѣ оно, какъ и слѣдовало ожидать, приложено было къ избранію членовъ конференціи и преимущественно почетныхъ: этихъ послѣднихъ положено избирать въ самой конференціи по баллотировкѣ, въ дѣйствительные же члены конференція получила право избирать только кандидатовъ, изъ которыхъ затѣмъ нужное число лицъ назначалось въ члены уже по избранію и опредѣленію самой коммиссіи о дух. училищахъ. Далѣе о членахъ академическаго правленія постановлены такія правила: первый членъ, ректоръ академіи опредѣляется и смѣняется, какъ лице административное, самой коммиссіей, но выбирается коммиссіею изъ трехъ кандидатовъ, одного, представляемаго архіереемъ, и двоихъ, избранныхъ академической конференціей; второй, инспекторъ выбирается изъ состава академическихъ профессоровъ самою конференціей и съ одобренія архіерея утверждается въ должности коммиссіей; третій, экономъ утверждается архіереемъ по представленію одного только ректора. Въ семинарскомъ правленіи выборнымъ оставленъ только второй членъ изъ состава семинарскихъ профессоровъ; ректоръ и по опредѣленію на должность и по увольненію поставленъ въ зависимость отъ окружнаго правленія академическаго; экономъ поставленъ въ зависимость отъ

ректора, также какъ въ академіи. Въ уѣздныхъ училищахъ учреждено единоличное ректорское управленіе: по опредѣленію и увольненію ректоръ поставленъ въ зависимость не отъ семинарскаго, а отъ тогоже окружнаго академическаго правленія. Наконецъ въ приходскихъ учплищахъ единоличными начальниками поставлены епархіальные смотрители благочинія тѣхъ приходскихъ округовъ, гдѣ учреждены эти училища. Приходскія училища впрочемъ вскорѣ соединились съ уѣздными подъ однимъ начальствомъ училищныхъ ректоровъ. Относительно достоинства и состоянія ректоровъ были высказаны требованія, чтобы они были: 1) непремѣнно доктора богословія и только въ уѣздныхъ училищахъ позволено опредѣлять „по крайней мѣрѣ" магистровъ, 2) непремѣнно лица духовныя, все равно изъ бѣлаго или монашествующаго духовенства. Какъ извѣстно, ни то ни другое требованіе на дѣлѣ не были осуществлены; вслѣдствіе господствовавшей прежде извѣстной монополіи монашества на всѣ административныя должности, отъ кандидата въ ректоры требовалось не столько то, чтобы онъ имѣлъ высокую ученую степень, сколько то, чтобы онъ имѣлъ санъ монашескій.

Къ числу недостатковъ внутренняго управленія дух. школъ надобно отнести слишкомъ разширенныя права ихъ правленій въ отношеніи къ составу преподавателей, которыя скоро повели къ парализаціи и тѣхъ немногихъ проблесковъ выборнаго начала, какіе проявились было въ училищныхъ уставахъ, а равно и силы коллегіальнаго начала внутри самихъ правленій. Назначеніе и увольненіе всѣхъ наставниковъ, не исключая академическихъ, предоставлено было въ полную власть правленій, а въ низшихъ училищахъ даже прямо во власть ихъ единоличныхъ начальствъ. На практикѣ впрочемъ и въ высшихъ школахъ правленіе обратилось потомъ въ чисто формальное учрежденіе, потому что его члены вполнѣ зависѣли отъ ректора: мало по малу оно вовсе прекратило свои собранія для совокупнаго разсужденія по дѣламъ и всѣ

дѣла семинарій и академій стали рѣшаться въ кабинетѣ ректора одной его собственной волей, не исключая отсюда даже дѣлъ окружнаго правленія академіи. А затѣмъ съ усиленіемъ ректорской власти перестали собираться и собранія конференціи. Такой порядокъ сталъ особенно усиливаться въ 40-хъ годахъ, когда упразднена коммиссія духовныхъ училищъ и вліяніе бюрократическаго духа стало чувствоваться и сверху учебно-административной лѣствицы.

Сформировавшаяся послѣ уклоненія отъ принциповъ 1808 г. крайне деспотическая постановка училищныхъ ректоровъ, разумѣется весьма тяжелая для подчиненныхъ, и наставниковъ и учениковъ, нанесла между прочимъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ ударовъ современному монашеству, которое, какъ я замѣтилъ выше, имѣло въ своихъ рукахъ монополію на всѣ эти начальственныя мѣста; какъ всегда водится при монополіи извѣстнаго класса людей на деспотически организованную власть, всѣ грѣхи этой власти приписывались не характеру ея организаціи, а именно классу, владѣвшему самой монополіей, и раздраженіе, бывшее результатомъ этого, падало вовсе не на то, на что слѣдовало. Мы теперь уже настолько исторически возвысились надъ этимъ явленіемъ, что можемъ смотрѣть на него сверху и видѣть, въ чемъ было дѣло, но современники этого не видѣли и въ своемъ раздраженіи не могли догадаться, что проявленія извѣстнымъ образомъ организованной власти будутъ одинаковы, кто бы ею ни владѣлъ, бѣлый священникъ или монашествующее лицо; притомъ же въ другихъ рукахъ, кромѣ рукъ монашескихъ, они этой власти и не видали. Это несчастное qui pro quo было тѣмъ вреднѣе, что среди него получило воспитаніе нѣсколько молодыхъ поколѣній лицъ духовныхъ. Нужно отдать полную справедливость дальновидности и такту комитета 1808 г. въ томъ, что онъ еще и тогда видѣлъ необходимость доставить одинаковый доступъ къ ректорскимъ должностямъ лицамъ и того и другаго класса духовенства.

Оставляя дальнѣйшія подробности въ устройствѣ училищнаго управленія, спѣшу перейти къ другой главной части комитетскихъ работъ, къ организаціи духовно-училищныхъ курсовъ.

Мы упоминали, что еще при Екатеринѣ II у насъ проявилось сознаніе недостаточности одного спеціальнаго образованія безъ образованія общаго. Въ настоящее время мысль о необходимости этого общаго образованія раньше всякаго выбора спеціальной выучки сдѣлалась уже общепринятою аксіомою педагогики. Общее гуманное образованіе, имѣющее цѣлію общее развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣка, одно только можетъ вдохнуть душу во всякое человѣческое служеніе, сдѣлать это служеніе для человѣка высокимъ дѣломъ жизни, а не однимъ мертвымъ исполненіемъ долга своего званія, можетъ поднять на степень живаго дѣла самое приготовленіе къ этому служенію, одушевить и самую выучку относящихся къ нему предметовъ. Одна выучка безъ общаго развитія образуетъ только ремесленника своего служенія, каковымъ можетъ быть и неразвитый служитель церкви, какъ бы онъ ни твердо зналъ все, какъ говорили въ старину, церковное постатіе. Притомъ же только послѣ общаго образованія возможнымъ становится самый выборъ того или другаго служенія, выборъ свободный, служащій лучшимъ залогомъ высокаго одушевленія въ исполненіи служебныхъ обязанностей. Наконецъ только это общее развитіе спасаетъ человѣка отъ узкихъ сословныхъ или спеціально-ремесленныхъ воззрѣній, неспособности видѣть далѣе предѣловъ своей спеціальности, поставленія частныхъ цѣлей на мѣсто общихъ. Вчастности пастырь церкви, назначенный быть всѣмъ вся, болѣе, чѣмъ кто нибудь, долженъ обладать этимъ широкимъ общечеловѣческимъ развитіемъ, долженъ, съ точки зрѣнія идеала пастырства, искуситься по всяческимъ, не только знать, но и пережить всѣ возможныя психическія состоянія, чтобы имѣть самую необходимую для него способность

не одною мыслью, но всей своей душею входить въ каждое психическое состояніе, какое можетъ встрѣтиться ему въ его пастырской практикѣ;—для спасенія людей самъ Пастыреначальникъ благоволилъ сдѣлаться человѣкомъ. Въ средствахъ человѣческаго образованія для такого всесторонняго развитія и служатъ науки гуманныя и едвали не болѣе другихъ исторія и изученіе литтературы, раскрывающія всевозможныя состоянія души не въ отвлеченныхъ только положеніяхъ психологической науки или общихъ очеркахъ морали, а въ образахъ, въ типахъ, въ лицахъ, воспроизводя ихъ актомъ художественнаго творчества и заставляя другихъ переживать ихъ посредствомъ художественнаго воспріятія, воспроизведенія ихъ въ своей душѣ.

Во второй половинѣ XVIII в. общеобразовательныя заведенія являлись одно за другимъ, основываемыя правительствомъ. Но духовное вѣдомство для образованія своихъ дѣтей ими не воспользовалось, оставаясь при своихъ прежнихъ архіерейскихъ школахъ. Причинами этого были его обычная консервативность и сословная замкнутость, кромѣ того слишкомъ неудовлетворительное состояніе самихъ новыхъ школъ. Онѣ сами еще пока только и жили средствами старѣйшей ихъ духовной школы, которая снабжала ихъ не только учителями, но и учениками. Вслѣдствіе давняго господства въ Россіи исключительно сословнаго образованія, всѣ сословія продолжали обязательно образовывать своихъ молодыхъ людей въ своихъ сословныхъ школахъ, такъ что первые университеты могли наполняться лишь разночинцами, т. е. людьми, непринадлежащими къ сословіямъ или изъ нихъ выбывшими, въ томъ числѣ и юношами изъ дух. званія, отъ которыхъ духовное начальство соглашалось отказаться. При такихъ обстоятельствахъ въ духовномъ вѣдомствѣ не возникало даже и вопроса о томъ, нельзя ли для общаго образованія отправлять духовныхъ дѣтей въ новыя общеобразовательныя школы свѣтскаго

вѣдомства, а прямо порѣшено было присовокуплять это общее образованіе къ спеціальному курсу въ самихъ же духовныхъ школахъ, тѣмъ болѣе что такіе смѣшанные курсы въ дух. школахъ были и прежде и получили даже довольно полную организацію въ правилахъ Д. Регламента. Нечего и говорить, что такое соединеніе общаго образованія съ спеціальнымъ и притомъ въ школѣ, имѣющей назначеніе именно спеціальное же, было крайне невыгодно для общаго образованія, потому что въ глазахъ духовнаго и высшаго школьнаго начальства, преслѣдовавшихъ прежде всего выгоды духовной службы, оно естественно должно было получить значеніе второстепенное и кромѣ того непремѣнно потерять свой универсальный общечеловѣческій характеръ, невыгодно было и для самого духовнаго вѣдомства, которое должно было при этомъ дѣлать изъ своихъ спеціальныхъ средствъ, далеко небогатыхъ, огромные расходы на образованіе, неимѣвшее непосредственнаго отношенія къ его спеціальной службѣ, кромѣ того и безъ него уже практикуемое въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, должно было содержать на свой счетъ множество низшихъ школъ съ элементарнымъ курсомъ, курсы свѣтскихъ наукъ въ семинаріяхъ и наконецъ, вмѣсто спеціальныхъ высшихъ школъ—академій, нѣчто въ родѣ цѣлыхъ университетовъ. Но на эти неудобства никто тогда не обращалъ никакого вниманія. Указанная нами постановка духовнаго сословія и духовной службы такъ была крѣпка, что иной исходъ дѣла никому не приходилъ тогда и въ голову.

Комитетъ 1808 г. приступилъ къ своей работѣ съ тѣми же понятіями о составѣ дух. образованія; въ томъ же направленіи потомъ писала уставы дух. училищъ и управлявшая ими коммиссія. На первой же страницѣ общаго введенія къ уставамъ читаемъ: „Общая цѣль воспитанія юношества есть образованіе нравственныхъ и физическихъ способностей, согласное съ его предустановленіемъ. Главное предустановленіе юно-

шества духовнаго состоитъ въ утвержденіи и распространеніи истиннаго благочестія. Изъ сего открывается особенная цѣль духовнаго ученія. Оно должно образовать благочестивыхъ и просвѣщенныхъ служителей слова Божія. Посему всѣ учрежденія, въ составъ дух. училищъ входящія, должны непосредственно относиться къ сему главному намѣренію и отъ него заимствовать свою силу", т. е. къ этой спеціальной цѣли должно клониться все ученіе съ самой азбуки и все нравственное воспитаніе съ самыхъ юныхъ лѣтъ.

Все это было очень естественно и даже неизбѣжно въ тогдашнее время, точно также, какъ и раньше во время Екатерининскаго царствованія, потому что обстоятельства, которыя вызывали и поддерживали эту сословную учебно-воспитательную систему, нисколько не измѣнились въ началѣ текущаго столѣтія. Сословная замкнутость духовенства сдѣлала даже нѣсколько шаговъ впередъ въ своемъ развитіи; государство закрывало всякій доступъ къ духовнымъ мѣстамъ, а слѣдовательно и къ поступленію въ духовную школу, для всѣхъ посторонніхъ, а духовная администрація съ своей стороны постаралась всячески заградить выходъ изъ дух. сословія и выхлопотала цѣлый рядъ указовъ, чтобы духовныхъ молодыхъ людей безъ согласія св. Синода не принимало въ свою службу ни одно вѣдомство. Въ уставѣ уѣздныхъ училищъ включено было особое постановленіе, чтобы дѣти духовенства всѣ зачислялись въ училищное вѣдомство съ 6—8 лѣтъ возраста и съ этого времени состояли подъ надзоромъ уѣздныхъ училищъ, которыя обязывались наблюдать за ихъ обученіемъ, какъ за обученіемъ своихъ собственныхъ учениковъ, хотя бы они и не поступали въ духовную школу, а учились дома. Такимъ образомъ всѣ дѣти духовенства поставлены были въ положеніе нѣкотораго рода духовныхъ кантонистовъ, обязанныхъ духовной службой, и должны были съ дѣтства обязательно приготовляться къ занятію духовныхъ должностей. Дальше этого при-

крѣпленія людей къ сословію идти было, кажется, уже невозможно.

Понятно, что преобразователямъ духовнаго образованія ничего не оставалось дѣлать, какъ только приняться за разрѣшеніе прежней, давно разрѣшавшейся, хотя и всегда остававшейся неблагодарною, задачи произвести возможно лучшее въ педагогическомъ и практическомъ отношеніи соединеніе общаго образованія съ спеціально-сословнымъ. Не забудемъ, что и въ наше время, когда общее образованіе въ государствѣ стоитъ уже на высокой степени и во многомъ далеко превзошло общее образованіе въ нашихъ дух. семинаріяхъ, новые дѣятели по преобразованіямъ въ духовномъ вѣдомствѣ задались относительно духовныхъ школъ совершенно такой же задачей, не смотря даже на то, что въ послѣднее время самая сословность духовенства, эта главная поддержка прежняго порядка обученія, объявлена упраздненною, а духовная школа и служба открытыми для всѣхъ. Долговременная связь духовной службы съ замкнутымъ сословіемъ успѣла до такой степени отчуждить всѣ классы общества какъ отъ нея, такъ и отъ духовнаго образованія, сдѣлавшагося образованіемъ исключительно „поповскимъ", что съ замѣной такой смѣшанной духовной школы школою только спеціальною, въ которую бы могли поступать желающіе взять на себя духовную профессію уже послѣ общаго образованія въ свѣтскихъ школахъ, могло серьезно угрожать полнымъ оскудѣніемъ кандидатовъ священства, хотя впрочемъ съ другой стороны ничто такъ и не поддерживаетъ сословности извѣстной службы, какъ оставленіе при сословіи подобнаго рода смѣшанныхъ самодостаточныхъ школъ. Вообще мы видимъ здѣсь плотно замкнутую круговую линію, гдѣ концовъ не сыщешь,— но кто можетъ рѣшиться безбоязненно разорвать эту линію, когда каждая неосторожность грозитъ здѣсь страшной опасностью духовной службѣ? кто напротивъ не остановится передъ ней, рѣшаясь лучше по-

дождать, что будетъ дальше, не станетъ ли эта линія какъ нибудь размыкаться сама собой, чтобы уловить ея слабый пунктъ, потомъ помочь лишь ускоренію естественнаго рѣшенія затруднительнаго вопроса? По крайней мѣрѣ и въ послѣднее время дѣятели новой реформы духовныхъ школъ тоже почли нужнымъ не трогать этого заколдованнаго круга и оставить его въ прежнемъ видѣ, заявивъ только одну незаконность его существованія.

Пересматривая результаты, къ какимъ пришли комитетъ и коммиссія въ опредѣленіи состава духовноучилищныхъ курсовъ, мы не можемъ не замѣтить, что и въ этой части своей работы они успѣли стать выше не только своихъ предшественниковъ, начиная съ автора Д. Регламента, но и послѣдующихъ дѣятелей, которые трудились надъ разрѣшеніемъ той же задачи до времени послѣднихъ реформъ въ духовныхъ школахъ, и представили одинъ изъ самыхъ лучшихъ образчиковъ соединенія общаго образованія съ спеціальнымъ, насколько лишь такое соединеніе возможно.

Не смотря на приведенное повидимому опасное для универсальности общаго образованія правило, что всѣ науки въ дух. школахъ должны направляться къ главной сословной цѣли, приготовленію молодыхъ людей къ церковной службѣ, религіозное образованіе въ низшихъ школахъ поставлено въ смыслѣ общаго религіознаго развитія, которое дѣйствительно должно быть существенною частію именно общаго образованія, а не спеціально-служебнаго, ограничено обыкновеннымъ благочестивымъ воспитаніемъ мальчика и катихизическимъ обученіемъ, не подавляя изученія другихъ элементарныхъ наукъ. Курсъ низшихъ школъ вообще организованъ на чистыхъ началахъ общаго образованія и не имѣетъ ничего рѣзко сословнаго. Въ приходскихъ школахъ онъ долженъ былъ состоять въ чтеніи и чистописаніи порусски, въ изученіи 4-хъ правилъ ариѳметики, началъ русской грамматики, катихизиса и нотнаго пѣнія. Въ уѣздныхъ училищахъ

положено окончить грамматику и ариѳметику и изучить катихизисъ въ болѣе пространномъ видѣ; кромѣ того въ видѣ перехода къ среднему образованію въ курсъ ихъ введено изученіе краткой исторіи и географіи, особенно священной и церковной, и начальное обученіе классическимъ языкамъ, грамматикѣ ихъ и переводу; къ спеціальнымъ предметамъ можно отнести лишь церковный уставъ, да еще развѣ усовершенствованіе въ нотномъ пѣніи по обиходу и партесно.

Собственно спеціальное образованіе отнесено уже къ курсу семинаріи, и то къ послѣднимъ двумъ годамъ всего шестилѣтняго курса. Комитетъ первоначально предполагалъ устроить четырехлѣтній курсъ и половину его посвятить изученію общеобразовательныхъ наукъ. Составъ семинарскаго курса достаточно извѣстенъ. О постановкѣ въ немъ богословской науки я не буду говорить, ограничиваясь замѣчаніями объ одномъ только общемъ образованіи. Члены комитета и коммиссіи хорошо понимали, чѣмъ особенно были сильны духовныя заведенія и отчего общее образованіе поднималось въ нихъ такъ высоко, что воспитанники ихъ оказывались даже болѣе развитыми въ общечеловѣческомъ смыслѣ, чѣмъ воспитанники всѣхъ другихъ школъ, — это образованіе словесное и философское, развивавшее у нихъ сильную мыслительность и искусство правильнаго и упорядоченнаго изложенія своихъ мыслей. На эти двѣ части общаго образованія, издавна присвоенныя духовной школѣ, онъ и разсчиталъ попреимуществу. Надобно впрочемъ оговориться, что школьная словесность всѣми понималась тогда исключительно въ смыслѣ реторики, а не въ смыслѣ изученія литературы; поэтому ей едвали много могло помѣшать то, что уставы упирали на развитіе словеснаго искусства главнымъ образомъ посредствомъ изученія образцовъ изъ классической и духовной литтературы и придавали ей преимущественно церковный характеръ, потому что для цѣли тогдаш-

няго литературнаго образованія,—риторическаго искусства, этотъ односторонній выборъ образцовъ, собственно говоря, не имѣлъ значенія и нисколько не понялъ его достоинства сравнительно съ литературнымъ образованіемъ по свѣтской риторикѣ. Философское образованіе въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, временемъ господства одной формальной и догматической философіи, которая поддерживала схоластику, значительно возвышено введеніемъ въ него историческаго изученія философскихъ ученій; сохраняя всю ловкость и изворотливость прежнихъ діалектиковъ, новый семинарскій философъ долженъ былъ пріобрѣсть еще къ этому болѣе широкіе философскіе взгляды чрезъ сравнительное изученіе того, какъ и что думали другіе. Кромѣ этихъ наукъ, особенное „разширеніе и пространство", по выраженію комитетскаго доклада, дано наукамъ историческимъ, которыя прежде преподавались очень слабо и не во всѣхъ семинаріяхъ; историческое образованіе опредѣлено изученіемъ всеобщей и церковной исторіи съ географіей и особенно исторіи отечественной, какъ гражданской, такъ и церковной; въ проэктѣ комитета упомянута даже исторія ученая, но въ уставахъ ея нѣтъ. Наконецъ почти вновь введено образованіе математическое и притомъ въ полномъ объемѣ средняго курса съ присовокупленіемъ математической географіи, а также теоретической и опытной физики. Кругъ изученія языковъ обнималъ языки: латинскій, греческій, еврейскій и новые—нѣмецкій и французскій.

Относительно классическихъ языковъ нельзя опустить безъ вниманія одной весьма замѣчательной мысли комитета. Принимая во вниманіе связь нашей церкви и всего нашего просвѣщенія съ Греціею, онъ подробно разсуждалъ въ своихъ засѣданіяхъ о неестественности господства въ русскомъ образованіи языка латинскаго, чуждаго преданіямъ нашего древняго еллино-словенскаго образованія, чуждаго и нашей православной церкви, и думалъ замѣнить это

господство господствомъ греческаго языка. Отсюда онъ ждалъ возрожденія самостоятельности для всей вообще русской образованности, которая, будучи оторвана отъ родственной ей почвы, пресмыкалась, по его словамъ, въ жалкомъ подражаніи и рабствѣ цивилизаціи совершенно другаго, чуждаго намъ характера и потому никогда не могла достигнуть силы и самостоятельнаго значенія. Только на основахъ греческой цивилизаціи Россія можетъ занять по образованію самостоятельное мѣсто въ параллель съ западными латинскими странами. Изученію греческаго языка въ духовныхъ школахъ дѣйствительно было дано преимущество и коммиссія духовныхъ училищъ дѣятельно поддерживала его во все время своего управленія. Послѣ нея мысль комитета была совершенно забыта.

Въ опредѣленіи методовъ ученія уставы возстали противъ господства рабскаго ученія уроковъ, запрещали ихъ диктовку, требовали самодѣятельности учениковъ, возбужденія ихъ ума требованіемъ отчетовъ въ занятіяхъ и усиленіемъ самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. По мысли преобразователей, ученикъ долженъ былъ учить немного, но много думать и имѣть достаточно времени, чтобы укоренять въ себѣ то, что изучено. Здѣсь можно поставить крупное Nota bene даже для нашего времени, которое такъ любитъ хвалиться знаніемъ педагогическихъ законовъ.

Курсъ академическаго ученія, опредѣленный временемъ въ четыре года, поставленъ въ точное соотвѣтствіе съ семинарскимъ, для котораго онъ долженъ былъ приготовлять наставниковъ спеціалистовъ по всѣмъ предметамъ. Такъ какъ въ дѣлѣ усовершенствованія духовнаго образованія на академическомъ образованіи опирались главныя надежды комитета и коммиссіи, то на учебную часть въ академіяхъ обращено было съ ихъ стороны особенное вниманіе. Преподаваніе по примѣрному штату раздѣлено было между шестью профессорами и 12 при нихъ баккалаврами;— и тѣхъ и другихъ положено назначать съ строгимъ

выборомъ изъ самыхъ лучшихъ спеціалистовъ по той или другой отрасли наукъ, при чемъ выборъ этотъ предположено дѣлать изъ круга не однихъ только духовныхъ ученыхъ, но и свѣтскихъ, наприм. изъ воспитанниковъ и преподавателей университетскихъ, для языковъ даже изъ ученыхъ иностранцевъ; впрочемъ при равномъ знаніи кандидатовъ на каѳедру—свѣтскаго и духовнаго, предпочтеніе велѣно отдавать послѣднему. Правила эти относительно свѣтскихъ преподавателей распространены и на семинаріи. Всѣ науки, входящія въ составъ академическаго курса, поставлены въ высшемъ ихъ значеніи, наприм. составъ словесныхъ наукъ организованъ изъ философской грамматики, литтературной эстетики и прикладной ея части, заключавшей въ себѣ обозрѣніе практическаго примѣненія эстетическихъ началъ въ разныхъ частныхъ отрасляхъ словесности и у авторовъ разныхъ временъ; составъ математическихъ наукъ обнималъ собою всѣ части математики, особенно высшей, заканчиваясь изчисленіемъ частныхъ дифференціаловъ и изчисленіемъ варіаціоннымъ и т. д.

Коммиссія принимала непосредственное участіе въ наблюденіи за открытіемъ академическихъ округовъ и за преобразованіемъ академій,—сначала петербургской, потомъ московской и кіевской. Казанскій округъ съ академіей не былъ открытъ при Александрѣ I; существовавшая въ Казани со временъ Павла Петровича академія съ старинnымъ курсомъ въ 1818 г. преобразована была пока въ обыкновенную семинарію. Затѣмъ коммиссія тоже непосредственно и дѣятельно слѣдила за ходомъ самихъ курсовъ въ академіи и за дѣятельностію какъ академическаго правленія, такъ и всѣхъ академическихъ преподавателей, допуская, гдѣ требовалось, измѣненія и поправки въ своихъ предначертаніяхъ, руководясь для этого представленіями академическаго начальства и своими собственными соображеніями; съ 1814 г. ректоръ петербургской академіи архимандритъ Филаретъ, какъ для

этой непосредственной связи коммиссіи съ академіями, такъ и въ уваженіе особенныхъ его заслугъ, приглашенъ даже въ ея постоянные члены и принималъ постоянное и дѣятельное участіе во всѣхъ ея трудахъ.

Упомяну объ одномъ, впрочемъ самомъ важномъ, измѣненіи первыхъ предначертаній академическаго устава, совершенномъ коммиссіею въ первый же годъ академическаго курса (1810), по представленію ректора петербургской академіи архим. Сергія. Стремленіе къ возможно большему возвышенію академическаго образованія на первый разъ повело было къ непосильному отягощенію студентовъ, такъ что при множествѣ изучаемыхъ ими наукъ, имъ приходилось слушать лекціи въ продолженіе 8 часовъ въ сутки и имѣть не болѣе 2-хъ часовъ для своихъ домашнихъ занятій, тоже весьма сложныхъ и обременительныхъ, вслѣдствіе чего многіе болѣе ретивые студенты принуждены были просиживать за дѣломъ цѣлыя ночи и лишать себя необходимаго для сохраненія здоровья отдыха. Указавъ на эти обстоятельства, архим. Сергій писалъ, что предстоитъ настоятельная необходимость произвести сокращеніе какъ въ числѣ учебныхъ часовъ, такъ и въ числѣ изучаемыхъ студентами предметовъ, и предлагалъ оставить общеобязательными изъ этихъ предметовъ только главные изъ нихъ— богословіе, философію, словесность и греческій языкъ, а изученіе прочихъ предоставить свободному выбору самихъ студентовъ. Представленіе это побудило коммиссію къ раздѣленію академическаго курса на два отдѣленія: наукъ историческихъ и математическихъ, на которыя студенты должны были записываться по желанію; къ числу перечисленныхъ въ представленіи ректора общеобязательныхъ наукъ присоединена при этомъ еще церковная исторія. Такимъ образомъ академическій курсъ получилъ всѣ выгоды факультетской спеціализаціи наукъ, и академія время отъ времени стала выпускать изъ своихъ стѣнъ на поприще науки дѣйствительно замѣчательныхъ спеціалистовъ по

разнымъ предметамъ не только духовнаго, но и свѣтскаго образованія; такъ напримѣръ, даже математическое отдѣленіе (беру для примѣра отдѣленіе самое слабое въ прежнемъ академическомъ курсѣ) при императорѣ Александрѣ успѣло образовать такихъ математиковъ, какъ Сербжинскій и Райковскій.

Можно было бы привести и еще нѣсколько опытовъ просвѣщенной и дѣятельной внимательности коммиссіи къ учебному дѣлу, которые сдѣлали время ея управленія безспорно лучшимъ временемъ во всей исторіи нашихъ духовныхъ школъ. Самой благотворной чертой этого управленія, которая рѣзко отличала его отъ послѣдующаго, канцелярскаго управленія, державшагося своего обычнаго, исключительно-юридическаго воззрѣнія на учебные уставы, какъ только на Высочайше утвержденное законоположеніе, было то, что оно никогда не опускало изъ виду существенной стороны въ характерѣ своего управляемаго предмета, его вѣчно незакопченнаго развитія, его жизненности, постоянной подвижности, неподдающихся никакой юридической регламентаціи и требующихъ неослабнаго, чуткаго и вмѣстѣ просвѣщеннаго вниманія ко всѣмъ его перемѣнамъ и вновь возникающимъ запросамъ. Взглядъ коммиссіи на это дѣло мѣтко выраженъ въ рѣчи ея члена, ректора академіи Филарета, при открытіи первой конференціи 1814 г.: „зданія, сооружаемыя изъ стихійнаго вещества, созидаются единожды, и потомъ даютъ покой трудившимся: но то, что зиждется изъ живыхъ каменій, по совершеніи первоначальнаго созиданія, требуетъ непрестаннаго возсозиданія, утвержденія, возвышенія, расширенія, украшенія, по размѣрамъ возрастающаго внутренняго совершенства".

Много было перемѣнъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и послѣ упраздненія коммиссіи, но эти перемѣны большею частію имѣли какой-то отрывочный и случайный характеръ, мало соображенный съ общей системой духовнаго образованія, и нерѣдко вно-

сили въ эту систему одну путаницу и искаженія; по всему было видно, что вверху учебнаго управленія уже не было прежняго дѣятельнаго и просвѣщеннаго наблюденія за его общимъ ходомъ, что все зависѣло отъ случайныхъ предложеній разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, приводившихся въ исполненіе обычными предписаніями и указами безъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ спеціально для этого назначеннымъ ученымъ учрежденіемъ. Учебные курсы загромождались массой новыхъ знаній, которыя случайно признавались полезными для будущаго пастыря церкви собственно въ житейскомъ отношеніи, при чемъ даже и пастыри церкви принимались во вниманіе только сельскіе, которымъ въ самомъ дѣлѣ приходилось часто нуждаться во всезнаніи Робинзона Крузо; учили семинаристовъ напр. сельскому хозяйству, съемкѣ и черченію плановъ, медицинѣ, прививанію оспы и т. д. Реформы подобнаго рода коснулись и академій. Въ 1844 г. ректоръ петербургской академіи епископъ Аѳанасій вошелъ въ св. Синодъ съ представленіемъ о важности изученія физики и математики и о необходимости сдѣлать эти предметы общеобязательными для студентовъ на томъ основаніи, что они, по общему понятію, считаются необходимыми для всякаго образованнаго человѣка, воспитывавшагося не только въ высшихъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ;—преосвященный не сообразилъ, что общеобязательны эти предметы въ однихъ только среднихъ заведеніяхъ, а въ высшихъ обучаются имъ, какъ и всѣмъ другимъ предметамъ, только избравшіе ихъ своей спеціальностью, и что въ этой спеціализаціи предметовъ состоитъ самая сущность высшаго образованія, обращающагося въ противномъ случаѣ изъ высшаго въ среднее, не обратили на это вниманія и другіе и утвердили предложеніе. Послѣ этого предметы историческаго отдѣленія тоже, разумѣется, нужно стало сдѣлать общеобязательными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ они были поставлены

въ академіяхъ въ нисшемъ объемѣ, о чемъ и разосланы были изъ духовно-учебнаго управленія надлежащіе указы. Такъ уничтожена въ академическомъ курсѣ самая лучшая и раціональная реформа, произведенная въ свое время коммиссіей. Между тѣмъ другія науки академическаго образованія естественнымъ образомъ расширялись, развѣтвлялись, вызывали устройство новыхъ каѳедръ, и съ теченіемъ времени составили такую огромную и безпорядочную массу предметовъ изученія, осилить которую въ четыре года было положительно невозможно для какой угодно человѣческой головы. Добросовѣстный академическій экзаменъ сталъ абсурдомъ и замѣнился какой-то странной формальностью, комедіей съ заранѣе разученными ролями, съ чудесными превращеніями однихъ билетовъ въ другіе, но за то съ рѣдкими провалами.

По плану комитетскаго доклада 1808 г. мнѣ слѣдовало бы теперь изложить блестящій и въ высшей степени благотворный для духовно-учебныхъ заведеній проэктъ комитета объ обезпеченіи этихъ заведеній матеріальными средствами и разсказать, какъ затѣмъ коммиссія приводила его въ исполненіе. Проэктъ этотъ, разработанный преимущественно Сперанскимъ, преосвященнымъ Амвросіемъ и Ѳеофилактомъ и служившій предметомъ общаго удивленія, такъ сказать творчески, безъ всякаго отягощенія и государства и народа, создалъ громадный училищный капиталъ, который въ первый разъ безбѣдно обезпечилъ существованіе духовныхъ школъ и всѣмъ служащимъ дѣлу духовнаго образованія доставилъ возможность, какъ говорилъ м. Амвросій въ благодарственной рѣчи государю, служить съ радостію, а не воздыхающе. Государство помогло образованію этого капитала сравнительно небольшими ассигновками въ теченіе девяти лѣтъ, — въ первые 6 лѣтъ по 1,353,000, потомъ по 2,000,000 р. ассиги. Затѣмъ вся остальная его сумма образовалась главнымъ образомъ изъ единовременнаго отчисленія отъ церквей для приращенія въ банкѣ

экономическихъ суммъ, простиравшихся до 5,000,000 р. и ежегоднаго дохода отъ монополизированной въ пользу церкви продажи восковыхъ свѣчъ. Не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, среди которыхъ совершалась проэктированная комитетомъ финансовая операція, на утайки экономическихъ и свѣчныхъ суммъ со стороны причтовъ и церковныхъ старостъ, на контрабанду, сопровождавшую свѣчную монополію, какъ и всякую другую, раззореніе государства вслѣдствіе отечественной войны, на громадныя пожертвованія изъ образующагося капитала въ удовлетвореніе разныхъ государственныхъ и церковныхъ нуждъ, доходившія во время отечественной войны и вскорѣ послѣ нея до 5,000,000 р., на лишніе расходы при образованіи учебныхъ округовъ и открытіе преобразованныхъ училищъ и т. д., коммиссія въ теченіе 20 лѣтъ своей дѣятельности успѣла довести этотъ ею же созданный капиталъ до 44,252,273 р. слишкомъ или по счету на серебро до 12,643,506 р. съ копѣйками, покрывая изъ него въ тоже время всѣ предписанные текущіе расходы. Можно прибавить къ этому, что учебное управленіе, принявшее послѣ нея этотъ капиталъ въ свое завѣдываніе, въ теченіе почти такого же промежутка времени успѣло умножить его только двумя милліонами.

Но моя рѣчь приняла слишкомъ обширные размѣры, а потому, опасаясь злоупотребить Вашимъ снисходительнымъ вниманіемъ, я спѣшу къ концу, ограничась лишь слабой замѣткой объ этомъ обширномъ предметѣ. Заслуги комитета и коммиссіи по обезпеченію дух. училищъ такъ велики, что мы еще доселѣ находимся подъ вліяніемъ ихъ благодѣтельныхъ результатовъ. Геніальная мысль о свѣчномъ доходѣ поддержала на пути образованія нѣсколько поколѣній бѣдныхъ духовныхъ юношей, помогла множеству духовныхъ семействъ, не знавшихъ, чѣмъ воспитать своихъ дѣтей, отерла много сиротскихъ слезъ и до сихъ поръ продолжаетъ оказывать свое неизсякаемое бла-

годѣтельное вліяніе, не только не ослабѣвая, но еще и теперь все продолжая развиваться въ своемъ приложеніи къ жизни, наприм. въ новооткрывающихся при семинаріяхъ общежитіяхъ. По предначертаніямъ комитета, на эти гроши, которые нашъ православный народъ несетъ въ храмъ Божій, чтобы затеплить свѣчку предъ святой иконой, на хлѣбѣ, купленномъ на эти гроши, выросли и выучились всѣ мы, мм. гг., всѣ живущія теперь старыя и юныя поколѣнія воспитанниковъ духовныхъ училищъ.

Въ настоящій торжественный день вся обширная Россія въ составѣ всѣхъ классовъ своего многомилліоннаго населенія слилась въ одномъ общемъ чувствѣ благодарной памяти за все добро, какое оставилъ по себѣ благословенный Александръ, и въ одной общей молитвѣ за него предъ Царемъ царей. Присоединяя къ этому безбрежному морю единаго всероссійскаго чувства и наши благодарныя и молитвенныя чувствованія, не забудемъ вмѣстѣ съ именемъ царя благодѣтеля нашего помянуть и имена мудрыхъ и достойныхъ его исполнителей воли его... Дай, Боже, вѣчный покой благословенному императору Александру первому, и потрудившимся по его благому изволенію, во благо духовнаго просвѣщенія, высокопреосвященнымъ митрополитамъ Амвросію, Евгенію и Филарету, высокопреосвященному Θеофилакту, болярину Михаилу, болярину Александру, и сотвори имъ вѣчную память!

По произнесеніи послѣднихъ словъ академическіе пѣвчіе пропѣли: „вѣчную память“; а затѣмъ ораторъ вторично взошелъ на каѳедру и произнесъ слѣдующее:

Выражая чувства благоговѣйной признательности къ памяти почившаго императора Александра Благословеннаго и удовлетворяя тѣмъ своей священной нравственной потребности, мы не можемъ при этомъ не удовлетворить другой, не менѣе священной нравствен-

ной потребности выразить чувства столь же благоговѣйной и горячей признательности къ лицу втораго Александра Благословеннаго, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, который, изливая свои великія щедроты на всю Россію, подобно своему вѣнценосному дядѣ, не забылъ и нашихъ скромныхъ обителей духовнаго просвѣщенія, облагодѣтельствовалъ ихъ такъ, какъ онѣ и сами не чаяли, и новымъ преобразованіемъ ихъ вдохнулъ въ нихъ новую жизнь... Боже, храни Царя! И да царствуетъ онъ надъ нами, сильный, державный, грозный врагамъ, но, какъ мы уже привыкли, отечески-благостный къ намъ, на многая лѣта!

Съ чувствомъ одушевленія и преданности царствующему Государю присутствующіе выслушали пѣніе многолѣтія и народнаго гимна.

17. **Устройство управленія въ церкви королевства греческаго.** Ѳ. Курганова. 1872. Ц. 2 р. 25 к.

18. **Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мусульманъ.** Н. Красносельцева. 1872. Ц. 1 р. 25 к.

19. **Ересь антитринитаріевъ III вѣка.** Д. Гусева. 1872. Ц. 1 р. 25 к.

20. **Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства.** Изслѣдованіе П. Милославскаго. Ц. 2 р.

21. **Ученіе о лицѣ Господа Іисуса Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства.** Изслѣдованіе В. Снегирева. Цѣна 2 руб.

22. **Книга** о антихристѣ и о прочихъ дѣйствахъ, иже при немъ быти хотящихъ. 1873. Цѣна 1 р. 25 к.

23. **Стародубье.** Записки протоіерея Т. А. Верховскаго, Высочайше командированнаго 1845—48 гг. въ черниговскіе раскольническіе посады для водворенія единовѣрія. Цѣна 2 руб.

24. **Толковая Палея.** В. Успенскаго. Цѣна 75 к.

25. **Указатель** статей, помѣщенныхъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» съ 1855 по 1876 годъ. Цѣна 30 коп.

26. **Портретъ патріарха всероссійскаго Іоакима.** Цѣна 20 коп.

27. **Письма о магометанствѣ А. П. Муравьева.** Изд. 2-е 1875 г. Цѣна 50 к.

28. **Списокъ съ писцовыхъ книгъ** по г. Казани съ уѣздомъ. 1877. Ц. 40 к.

29. **Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей** по спискамъ соловецкой библіотеки. Соч. А. Карпова. Казань. 1878. Ц. 1 руб. 50 к.

При казанской д. академіи съ 1873 г. издается отдѣльными выпусками **«Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ»**. Издано пятнадцать выпусковъ, въ которыхъ помѣщены слѣдующія сочиненія: 1) Свѣдѣнія о миссіонерскомъ отдѣленіи при казанской духовной академіи; 2) Методъ миссіонерской полемики противъ татаръ-мухаммеданъ; 3) Причины упорной привязанности татаръ-мухаммеданъ къ своей вѣрѣ; 4) Опытъ изложенія мухаммеданства по ученію ханифитовъ; 5) Доказательства неповрежденности книгъ священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта противъ мухаммеданъ; 6) Доказательства неповрежденности священныхъ книгъ новаго завѣта противъ мухаммеданъ; 7) Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ; 8) Очеркъ распространенія христіанства между иновѣрцами казанскаго края; 9) Главныя мысли и духъ Корана; 10) Историко-критическое введеніе въ Коранъ; 11) Мысли алькорана, заимствованныя изъ христіанства»; 12) Мѣста Корана благопріятныя для обращенія мухаммеданъ въ христіанство; 13) Что Мухаммедъ заимствовалъ изъ христіанства; 14) Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана; 15) Что заимствовалъ Мухаммедъ изъ іудейства; 16) Признаки истинности православнаго христіанства и лживости мухаммеданства; 17) Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ, въ отношеніи ихъ вліянія на семейную и общественную жизнь человѣка; 18) Историческое значеніе Мухаммеда; 19) Взглядъ на способы, коими по сказанію мухаммеданъ, сообщались свыше Мухаммеду откровенія; 20) Ночное путешествіе Мухаммеда въ храмъ іерусалимскій и на небо; 21) Обозрѣніе мусульманскихъ молитвъ; 22) Мусульманская евхологія; 23) О мухаммеданской молитвѣ; 24) Мухаммеданское ученіе о войнѣ съ невѣрными; 25) Міровоззрѣніе мухаммеданства и отношеніе его къ христіанству; 36) Религіозное и политическое значеніе *хаджа* или священнаго путешествія мухаммеданъ въ Мекку.

Цѣна съ пересылкою за всѣ выпуски, кромѣ распроданнаго V, 19 р.

Съ требованіями обращаться къ священнику Богоявленской церкви г. Казани Е. А. Малову.

2007059419